

*Я принесла домой с фронтов России
Веселое презрение к тряпью —
Как норковую шубку, я носила
Шинельку обгоревшую свою.*

Ю. Друнина

“Ни от чего не отрекусь”

Татьяна КУЗОВЛЕВА

И вот опять среди горожской пыли и гари вдруг пронзительно запахнет влажной землей. И проступит в сердце и на календаре это короткое, веселое, это горчащее, как черемуха, — май. И откликнется ему память именами и голосами тех, кто остался навечно соединенным с весной, с Победой над фашизмом, для кого месяц этот всегда был и есть прежде всего Маем Сорок Пятого.

А среди имен и голосов своих ушедших старших товарищей, в ряду Александра Твардовского, Бориса Слуцкого, Юрия Нагибина, Вячеслава Кондратьева, я выделяю в эти первые майские дни имя и голос Юлии Друниной, всего четыре строки которой стали исповедью целого поколения тогдашних двадцатилетних:

*Я только раз видала
рукопашный,
Раз — наяву.
И сотни раз — во сне.
Кто говорит,
что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.*

Я не видела Юлию Друнину в обгоревшей шинели, после контузии в сорок четвертом, с двумя ранениями — в голову и в руку (она стеснялась носить платя с короткими рукавами); не видела — худой и голодной студенткой Литинститута, не прошедшей поначалу творческий конкурс и принятой туда едва ли не из чьего-то сострадания; не видела, как в кампанию “борьбы с космополитизмом”, подловив ее на многочисленных пропусках занятий (у мужа открылся туберкулез, грудную дочь кормить было нечем — Юля меняла хлебные карточки на молоко для нее), литинститутское начальство, пригрозив отчислением, потребовало срочно на собрании осудить “низкопоклонничество перед Западом” — сказать всего две-три фразы. Она произнесла их буквально на бегу, торопясь домой, — и потом стыдилась этого всю оставшуюся жизнь: на собрании решалась судьба Павла Анткольского...

Я узнала Юлию Друнину уже известной всей стране поэтессой. Знала ее стихи о войне, но в большей степени — о любви.

Я видела ее уже не золушкой, а, как принято было тогда говорить, “обеспеченной”, красивой блондинкой, дорого и со вкусом одетой, вполне благополучной. Ее стихи публиковались нарасхват, имя не сходило с литературных афиш, хотя никогда не числилось в сугубо эстрадной обойме, а саму ее поэты-фронтовики в своем кругу нежно называли Юлей, Юленькой. Она держалась всегда прямо, никогда не добивалась никаких общественных постов, была разборчива в общении. Поначалу она казалась мне даже отстраненной и несколько холодноватой. Потом я поняла — Юля ужасно застенчива, робет перед незнакомыми, а со знакомыми эрудитами опасается оказаться не на высоте их энциклопедичности. Узнав, например, что мне предстоит командировка в Италию с поэтом Александром Межировым, усмехнулась: “Я бы даже в Рим с ним не полетела — он для меня слишком образован”.

О любви Юлии Друниной и Алексея Каплера ходили и до сих пор ходят красивые легенды. К моменту их встречи за плечами у Юли теснились сырые блиндажи, тифозные бараки, горы кровавых бинтов, потери близких и послевоенный неудачный брак. За плечами у Алексея Яковлевича, который был старше ее на двадцать лет и которого друзья, как ребенка, называли Люсей, — десятилетие воркутинских лагерей за несколько романтических прогулок с юной Светланой Сталиной. Ни Друнина, ни Каплер, даже если бы захотели, не смогли бы отречься от прошлого.

В развороченной войной, в затравленной большевиком стране любовь двух этих людей, каждый из которых хлебнул своего лиха, произрастала, окруженная в буквальном смысле букетами утренних роз; его предугадыванием любых ее желаний и ее восхищением им, ее страхом быть разлюбленной (в первые годы совместной жизни она ждала его, стоя на цыпочках на подоконнике). Известный киносценарист, первый телеведущий знаменитой “Кинопанорамы”, прозаик, профессор ВГИКа, он ввел ее в круг видных режиссеров, писателей, артистов, сам отходя при этом как бы на

второй план и любясь ею. При всей своей мягкости и интеллигентности он умел быть в нужные минуты жестким и собранным, мужественно отстаивая право на свое и ее человеческое достоинство. При всей своей порывистости и подчас внутренней противоречивости (от строгой логичности до нервной мнительности) она свято хранила верность любви и преданность дружбе.

Все, чем наполнена жизнь — творчество, любовь, дом, общие друзья, обозначение своей позиции в любой ситуации, причем всегда на стороне совести, всегда со своим представлением о порядочности, всегда ради защиты справедливости, — все это было связано у Юли с любовью к А.Я., все выверялось его мнением, его суждением, его жизненным опытом, его человечностью, наконец, его благородством.

Алексей Каплер умер в 1979 году. Все попытки Юли чем-то заполнить одиночество были безуспешны. Она потеряла интерес к дому, все меньше оставалось друзей вокруг нее, личная жизнь не налаживалась, был, с которым она теперь оказалась один на один, пугал ее.

Она с воодушевлением встретила начальные шаги демократии — по-иному не могло быть. Она с тревогой предчувствовала ту огромную цену, которую России и россиянам придется заплатить за возвращение к цивилизованному пути развития. Она с презрением наблюдала за молниеносным обогащением “новых русских”, с болью — за обнищанием интеллигенции. Она не упускала случая предостеречь читателей от угрозы фашизма. И все еще строила планы — дописывала свою последнюю книгу стихов, обдумывала, как перевезти прах и могильную плиту А.Каплера из Старого Крыма в Москву... А где-то в глубине души по отдельным штрихам,

по деталям, услышанным в разговоре, прочитанным в книге, мелькнувшим на экране, лепился и казался отодвинутым на крайний случай образ ее ухода из жизни. В борьбе с ним она оказалась в августе 1991 года на баррикадах Белого дома, в борьбе с ним, с этим ставшим навязчивым образом, спешила на какие-то встречи, пыталась снова и снова уйти в работу, уехала на пару дней на дачу в Пахру...

20 ноября 1991 года, оставив несколько записок и рукописей стихов на видном месте, она спустилась с дачного крыльца и прошла по холодной тропинке к гаражу. Этот последний отрезок ее пути был зябок и короток.

Из предсмертной записки, адресованной моему мужу, Владимиру Савельеву:

“Почему ухожу? По-моему, оставаться в этом ужасном, пердедравшемся, созданном для дельцов с железными локтями мире такому несовершенному существу, как я, можно только имея крепкий личный тыл...”

А я к тому же потеряла два своих главных “посоха” — ненормальную любовь к старокрымским лесам и потребность “творить”...

Оно и лучше — уйти физически неразрушенной, душевно не состарившейся, по своей воле. Правда, мучает мысль о грехе самоубийства, хотя я, увы, неверующая. Но если Бог есть, он поймет меня...”

Май месяц Юлия Друнина и Алексей Каплер обычно проводили в любимом ими Коктебеле. Здесь же они отмечали 9 Мая, а на следующий день — 10 мая — Юлино рождение.

Май 1996 года Юля, я уверена, встретила бы с твердой убежденностью, что возврата к прошлому быть не должно. Не о нем болела ее мятежная душа — она болела о будущем, о судьбе новой России.

И поднимая глаза к высокому майскому, такому же, наверно, как весной 45-го, небу, я ищу в нем две мерцающие рядом звезды. Я окликаю их по именам, и они в ответ возгораются все ярче и ярче. Они бессмертны, поскольку бессмертны в мире любовь и преданность, благородство и честь, мужество и свобода.